

Алина ГРЕБЕШКОВА

Родилась в 1990 году в г. Белебее Республики Башкортостан. Окончила Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмулы. Магистр литературоведения и педагогики. Журналист.

Автор сборников рассказов «Заповеди невандертальцев» и «Память рыб». Публиковалась в журналах «Нижний Новгород», «Русское эхо», «Бельские просторы», «Лед и пламень», «Дон новый», «Веретено», «Формаслов», «Литературной газете», в поэтических сборниках «Уфимский полуостров», «Подворье» (Прага), антологиях нижегородской поэзии «Коромыслова башня». Один из составителей антологии молодой нижегородской поэзии «Стрелка».

Финалистка национальной премии «Русское слово» (2018), конкурса «Славянская лира» (Минск, 2020), премии «Болдинская осень» (2021).

Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

ЧУВСТВУЙ ЛАДОНЬ, ДАЖЕ ЕСЛИ НЕ ВМЕСТЕ...

* * *

У одинокой птицы крылья,
как ветер с Оки, словно сама река,
парус, высокая мачта, мечта.
Не сорваться, не сгнуться,
впустить в себя одиночество,
распределить по крыльям.
Прибой жизни выбрасывает на берег
время.
На песке – след от грубого ботинка
в вечность.
Светлый лик уходящего солнца.
Осень.
Пазлы складываются в жизнь,
фотографии хранятся в альбоме,
вспоминаются имена,
но улыбки забыты.
Одинокая птица сама выбирает путь –
на север или юг,
лететь или сгнуться.

* * *

гречишный мёд
страна огромна

я грешна
а в облаках
рыбы хвост
вдруг промелькнет
лодки борт
старик Сантьяго
снова в море
обглоданный хребет
но чей он?

* * *

город из пепла – в руины
тысячи белых ночей
один тёмный век
мир на распутье
войны
дальше не будет
кончились пули
кончились головы
закончился
мир
словно полевка по полю
мысль кружит в сотый раз:
что если Он
нас когда-то разлюбит...
или давно разлюбил

* * *

уключины сжимают наяду крепко
в объятиях, clavicula – ключик
найди, вёсла секут реку, рядом
проплывает лес дремучий,
на берегу старик с внуками
удит рыбу, живы глаза и руки,
буде жизнь, а войны не...
станет день улыбаться беззубо,
если ворвутся вздохи и плачи,
ночью усни, засыпай, мой мальчик,
чувствуй ладонь, даже если не вместе,
всё конечно, только Ветлуга
вётлы в небо макает как прежде.

* * *

Перегнай.
Переболи.
Зимовать до весны – удел.
Птицы собирают вещи,
разбирают гнезда,
прячут под крыши высоких домов
перья и ветки,
чтобы вернуться.

Это традиция.
Обычай такой.
Голуби остаются зимовать,
смотрят тоскливо вверх.
На птичьем Олимпе крысам не место.
Нет места, курлы, говорят,
передайте хотя бы привет.
Важное объявление:
авиагавани закрыты до весны.
Чайки надменно смеются,
показывают языки – речные вороны.
Волга покроется льдом суровым.
Рыбы через стекла витрин
выискивают знакомых,
не находят.
Оставь адрес.
Вязь водорослей на телах ракушек –
доставит письмо небесная почта,
когда вернётся с учений.

* * *

Размножается мир,
обречённый умирать бесконечно,
фонари кругом,
только нет вокруг света.
В Волге шепчутся рыбы
еле слышно,
шелестят об лёд
металлические жабры.
Рыба-меч.
Рыба-щит.
Рыба-царь уснула.
Говорят, придет весна,
станет легче.
Только вены домов –
прошлого морщины –
с каждым годом становятся больше.

Пирожки

Моя мама жарила пирожки размером с корабль, вставала рано,
когда ещё не проснулись облака, пыхтела пароходом задумчиво
на кухне. Может, и пела, но я не слышала. Никогда.
Рыб тоже не слышно, но это не значит, что они не поют.
Пирожки жарились, будто грешники в аду, горячее масло
брызгало во все стороны каплями лавы. За какие грехи мама
их туда отправляла, мне неизвестно. Но чтобы стать кораблем,
долгий путь пройдет тесто. Время растянуто в пространстве кухни.
Я ощущаю его на себе. Долго.
Слишком долгое рождение нового. Неужели и меня
так когда-то ждали?

Мама говорит, я могла быть пятой. Но арифметика не складывается: старшая сестра, а где ещё трое? Она молчит и не возвращается к разговору. Я же знаю, что была рыбой, плавала в водах, нежно плавниками мамы касалась. Мне так казалось, но чтобы ощутить боль, нужно стать мамой.

И тогда полюбить родившую тебя.

Главное, успеть понять, что являешься продолжением вселенной и принять ее внутри себя. Воскресенье. Она жарит пирожки размером с корабль. Фартук – в муке. Руки – в мозолях. Чистит лук и картофель, старается не шуметь. Я бегу к ней, теплой и большой, размером с дом, она – и есть дом. Улыбается,

вытирает пот

с лица. Разминает тесто, будто больную шею:

тянет кожу в разные стороны, мнет его, вселяет уверенность – ты будешь лучшим пирожком из всех братьев. Скалкой разглаживает бока, грациозно кончиками пальцев придает форму, шов накладывает посередине.

Нежно хлопает по спине творение.

Я повторяю каждое движение.

Но в моих руках

рождается уродец, заболевший смертельной болезнью,

таких скидывали

с вершины скалы греки. Мама возвращает ему жизнь,

подминает бока,

колдует. И о чудо! Его уже не отличить от остальных братьев.

Солнце забывая рассвет, озаряет лучами старый шкаф,

дверь, лучами гладит маму и меня. Тесто раздувает

в битве с маслом, оно ворчит, ему страшно

перейти в новое состояние.

Чай с лимоном. Моя мама

создавала корабли. Она обнимет меня плавниками.

Мы уплывем в дальние страны, когда встретимся вновь

на старой кухне, чайник кипит, теплые руки, мне пять лет,

а впереди – взрослая жизнь, и ничего не страшно, пока мама здесь.